Ерин П. В.
(Мичуринск)
Николашин В. П.
(Тамбов)

УДК 94(47).081

ТАМБОВСКАЯ УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ЭЛИТА В УСЛОВИЯХ ПОРЕФОРМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье рассматривается период (1861-1898 гг.) после отмены крепостного права в регионе Центральной России. Этот период времени характеризовался сложной ситуацией дальнейшего развития страны в новых реалиях. Несмотря на модернизационный посыл со стороны верхних эшелонов власти, в недрах региональной элиты сохранялись крепостнические устои и нравы, которые подкреплялись патриархальной психологией крестьян. В научном плане дополняются сведения о подстройке дворянства и помещиков к пореформенным реалиям, о действиях по реализации своих интересов. При осуществлении исследования применялись общенаучные и специальные исторические методы. В работе использовались архивные источники Государственного архива Тамбовской области. По результатам проведенного исследования можно отметить, что местные региональные управленческие элиты были склонны к расширению границ собственной власти. Модернизационные импульсы, направляемые из столицы, хотя и улавливались тамбовским руководством и дворянством, претворялись в жизнь рафинированно, исходя из местечковых интересов. С кризисом экономики нарастал и «кризис управленческой элиты». Местные власти все больше отстранялись от процесса модернизации сельского хозяйства в Тамбовской губернии, не осознавая того, что усугубляющаяся с годами агротехническая отсталость региона фактически превращается в очаг большого напряжения и грозит серьезными конфликтными ситуациями.

Ключевые слова: крестьянство, деревня, власть, модернизация, дворянство, реформа, Тамбовская губерния.

The article examines the period (1861-1898) after the abolition of serfdom in the region of Central Russia. This period is characterized by a difficult situation for the further development of the country in the new realities. Despite the modernization message from the upper echelons of power, in the depths of the regional elite, serf attitudes and customs were preserved, which were supported by peasant's patriarchal psychology. In this article the information on the adjustment of the nobility and landowners to the post-reform realities, on actions to realize their interests is supplemented. In carrying out the research, general scientific and special historical methods were used. The work is based on the archival sources of the State Archive of the Tambov Region. According to the results of the study, it can be noted that the local administrative elites were inclined to expand the boundaries of their own power. The modernization impulses directed from the capital, although caught by the Tambov leadership and the nobility, were implemented in a refined manner, drawing from the local interests. With the economic crisis, the "crisis of the management elite" also grew. Local authorities were increasingly distanced from the process of agricultural modernization in the Tambov province, not realizing that the agrotechnical backwardness of the region, which was aggravating over the years, was actually turning into a hotbed of great tension and threatened with serious conflict situations.

Keywords: peasantry, village, power, modernization, nobility, reform, Tambov province.
DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-99-112

Тамбовская деревня, вступая в период пореформенного развития, стояла на распутье. Поэтому первостепенной задачей на пути продвижения России к общеевропейскому процессу модернизации стало преодоление косности и консерватизма местного чиновничества.

Зачастую в структуре губернских правлений и местных управленческих звеньев работали представители дворянства, исходя из своих личных интересов стремившиеся к сохранению собственных привилегий и крепостнических порядков. Отчасти этому способствовал самодержавный полицейский строй, полученный в наследство от ушедшей эпохи.

По сути, местное дворянство, пользуясь своим служебным положением, стремилось подстроить «освободительный механизм» под личные интересы. Вот как характеризовал позицию тамбовских помещиков в пореформенный период предводитель лебедянского дворянства А. А. Жемчужников: «Освобождение крестьян – хорошая вещь... но приступили к нему несвоевременно: надо было дожидаться, когда не станет стариков» [22, с. 68]. Осознавая неизбежность и рациональность аграрной реформы, дворяне хотели отложить ее на потом. Но оказавшись лицом к лицу с новыми реалиями, помещики к 1870-м гг. либо распродали свои убыточные имения, либо пытались перестроить хозяйство соответственно новым условиям, применяя при этом новые технологии и новую систему взаимоотношений с бывшими крепостными.

Пользуясь выгодной экономической конъюнктурой на хлебном рынке, строительством и развитием сети железных дорог, в 1870-х гг. землевладельцы начали широко применять вольнонаемный труд. Так, число козловских имений, в которые начали привлекаться вольнонаемные, составляло в начале 1870-х гг. 80% [21, с. 11]. Стремясь «рационализировать» свое хозяйство, Тамбовские помещики стали активно применять технические средства и новые технологии в области растениеводства. «Порыв к рационализации» обуславливал появление общественных объединений помещиков-новаторов. В 1873 г. в Тамбове было организовано «Тамбовское общество сельских хозяев». Общество ставило в числе основных задач «рассуждение и беседы о сельскохозяйственных вопросах, изыскание наилучшего ведения хозяйства и устройства имений, распространение полезных сведений по части сельского хозяйства» [21, с. 11]. Оно просуществовало до начала 80-х гг. XIX в., когда сельскохозяйственный кризис уничтожил все надежды помещиков на «рациональное» хозяйство, прекратило его деятельность.

Позицию местной управленческой элиты относительно дальнейшей пореформенной модернизации губернии ярко демонстрирует переписка между министерством внутренних дел, губернатором К. К. Данзасом, губернским предводителем дворянства и рядом лиц, относящихся к управленческой верхушке. В связи с проводимой аграрной реформацией, в марте 1861 г. встал вопрос об открытии местного отделения поземельного банка. Как писал К. К. Данзасу управляющий министерством внутренних дел Валуев 13 сентября 1861 г., «в настоящее время при совершившемся преобразовании...поземельная собственность крайне нуждается в развитии кредита и в устройстве земельных банков. Правительство, сознавая такую...потребность, изыскивает средства удовлетворения оной центральных земских кредитных учреждений на прочных основаниях» [3, д. 1566. л. 35].

Всем заинтересованным лицам, городским головам, предводителям дворянства и др. представителям руководящего звена местного чиновничества по указанию губернатора из высших слоев тамбовского общества были разосланы проекты устава поземельного банка. Для проведения их в жизнь чиновники должны были дать свои замечания и предложения. Дворянское собрание, рассматривая вопрос об учреждении в Тамбовской губернии общего поземельного банка, нашло его положительное решение невозможным [3, д. 1566. л. 130, 130-об., 130-а.].

В целом же предложение организации поземельного банка в губернии встречено было неоднозначно. Так, Усманский предводитель дворянства 17 ноября 1861 г. писал губернатору о том, что пока не будет установлена окончательно ценность вольнонаемного труда

и не будет определена его стоимость относительно земледельческого труда, «открытие банка не представит успеха» [3, д. 1566. л. 144-об.]. В свою очередь Борисоглебский предводитель дворянства имел другое мнение. 8 сентября 1862 г. он направил губернатору письмо, в котором «находил данное предложение вполне полезным» [3, д. 1566. л. 133]. Важность организации банка подчеркивали и землевладельцы Моршанска, они также выразили свое желание участвовать в формировании банковского капитала [3, д. 1566. л. 139].

Косность и традиционализм местной дворянско-управленческой верхушки в эпоху великой модернизации ставили препятствия на пороге любых позитивных начинаний правительства. Местное элитарное чиновничество сдерживал инстинкт самосохранения. Опасаясь за свое будущее, за сохранение помещной частной собственности в модернизационном процессе, оно стремилось занять позицию тормоза или нейтрализации. Понимая свою неадекватность новым политическим и экономическим вызовам, администраторы старой закалки стремились любыми способами удержаться в изменяющейся управленческой системе, побуждаемые стремлением сохранить все имеющиеся в связи с этим льготы и привилегии.

Модернизационный импульс нанес мощный удар по традиционному аграрному тамбовскому обществу. Раскол произошел как среди всего общества, так и в среде элит. Если представители административной системы вынуждены были выступать проводником указаний из центра, то дворянство в большинстве своем стремилось снизить градус давления на собственные права, привилегии и собственность.

Крестьяне, оказавшись в ходе модернизации под чудовищным налоговым прессом, вынуждены были для выхода из тяжелой финансовой ситуации использовать все возможные экономические ресурсы. Как отмечал исследователь П. Черменский, «в 70-х годах тамбовские крестьяне распахали все, что можно было распахать на своих и помещичьих землях, и как только могли интенсифицировали культуру земли в рамках старого трехполья» [21, с. 6]. Но земли все равно не хватало, поэтому приходилось арендовать ее у помещиков. Общий анализ крестьянского землепользования в 1881-1884 гг. показал, что в данный период 34,1% всего количества домохозяев арендовало 442 тыс. десятин внеадельной пашни, что составляло 22,1% от крестьянских надельных пахотных земель. В целом же, в 1860-х гг. посевная площадь в Тамбовской губернии достигла 2116 тыс. десятин [21, с. 6].

«Земельный голод» и сохранявшиеся противоречия в крестьянском социуме грозили новой волной аграрного движения. Крестьяне, испытывая земельную жажду, весьма болезненно реагировали на применяемую помещиками практику «земельных отрезков» [23, с. 157]. Так, в 1870-80-е гг. отмечались отдельные выступления крестьян по причине отказа выполнять повинности в пользу помещиков из-за спорной с помещиками территории. В этот период были зафиксированы только два случая привлечения военной силы: в с. Мердуши Темниковского уезда и в с. Фоновка Липецкого уезда [17, с. 274].

Тяжелое положение тамбовского крестьянства, «упадок его благосостояния» признавал и сам губернатор, и министерство внутренних дел. В циркуляре губернаторам министр внутренних дел граф Д. Толстой 28 августа 1882 г. отмечал: «Из отчетов о крестьянском деле господ губернаторов, других имеющих в министерстве официальных данных и добытых иным путем сведений несомненно подтверждается, что в этих местностях крестьянское сословие, получившее самоуправление и наделенное землею, вместо ожидаемого развития и преуспеяния, стало обнаруживать очевидный упадок своего экономического быта» [1, д. 1987, л. 54]. Основной причиной тому служили, по сведениям министерства, разделы крестьянских земель при отсутствии контроля со стороны сельского схода. Это оказывало влияние на интенсивность и качество обработки земли, и, как следствие, вело к снижению урожайности и платежеспособности крестьян.

Помимо вопроса землеустройства, после опубликования Манифеста 1861 г. перед местной властью встала не менее важная задача организовать под надзором губернаторов самоуправление крестьян. В реализации процесса местные управленцы выступали посред-

никами между высшими этажами власти и населением. Государственная власть хотела организовать дворянский контроль над местными органами самоуправления. При этом дворянству приписывалась роль устранения противоречий между сословиями. Тормозило процесс перестройки системы местного самоуправления и противоречивое отношение бюрократии к новоорганизованным органам местного самоуправления [9, с. 295].

1 января 1864 г. в Российской империи вводилась новая система управления на местах - земства. В уездах и губерниях они делились на распорядительные и исполнительные. Распорядительные органы – очередные земские собрания гласных (заседали один раз в год). В свою очередь земские собрания выбирали исполнительные органы, состоящие из нескольких членов и председателя земские управы.

После реформы нововведенные земства были включены в иерархию властных структур на местах, выполняя в системе управления посредническую и контролирующую функции. По замыслу реформы предполагалось, что земские органы будут заниматься важными для местных территорий хозяйственными и социальными вопросами и будут отделены от вопросов политических. Однако, независимо от воли правительства, деятельность земских учреждений постепенно вышла за рамки хозяйственных дел, охватив сферу публичной политики.

Губернские и уездные земства на Тамбовщине были сформированы в 1864 г. согласно введенному Положению о местном самоуправлении. Реформа требовала переустройства и местного хозяйства. Передовая общественность видела в земствах спасение от бюрократизма.

Земские должны были строиться на принципе всесословности, однако фактически основой формирования всесословных земских учреждений выступал имущественный ценз. Тем самым Положение 1864 г. косвенно создавало условия для формирования нового эшелона местной управленческой элиты. С введением в стране земств часть поместного дворянства активно включилось в процессы местного управления [9, с. 178].

Как уже отмечалось, по закону земства были призваны решать хозяйственные и социальные вопросы (строительство и содержания местных дорог, богаделен, больниц, организация продовольственной помощи населению в годы неурожаев, развитие ветеринарии, осуществление агрономической помощи, сбор статистических данных, развитие образования и др.). Повышение урожайности в тамбовской деревне в 70-80-е гг. XIX в. было непродолжительным, а в 90-е гг. производство зерна увеличилось только за счет распашки леса, пастбищ и лугов, приоритетными задачами земств Тамбовской губернии ставились: повышение агрокультуры и обеспечение сельского населения продовольствием [6, с. 122].

После неурожая и последовавшего за этим голода 1891-1892 гг., стала очевидной острая необходимость агрономической помощи населению. Как мера экстренной помощи в 1894 г. губернским земством была учреждена агрономическая организация, которая своей деятельностью охватила все уезды губернии. За неимением материальных ресурсов, созданная организация предложила уездным управам содержать агрономов за свой счет. Большинство управ высказалось по этому вопросу отрицательно, и губернская агрономическая организация через год распалась [21, с. 53].

Зачастую многие начинания земств наталкивались на «стену» непонимания их значимости со стороны губернских властей. Как отмечает исследователь И. В. Двухжилова, при «всех успехах и неудачах земской деятельности «виновны» люди, составлявшие группу земских гласных. Именно они вырабатывали приоритетные направления земской деятельности» [7, с. 24].

Кроме всего прочего, важно учитывать и то, что социальную основу земских учреждений составляли дворяне, и, хотя их численное превосходство было не всегда и не везде налицо, именно дворянские депутаты, как правило, проявляли наибольшую активность. Не менее заметную роль в земстве играли и уездные предводители дворянства [5, с. 20-21]. Та-

ким образом, «благородное сословие» оказывало решающее воздействие на деятельность земских распорядительных и исполнительных учреждений.

Великие реформы 1860-1870 гг., повлекшие за собой рост рыночных отношений, способствовали изменению существовавших в течение многих веков условий общественного производства, развитию производительных сил страны, росту общественного разделения труда. Наряду с отменой крепостного права, введением органом местного самоуправления, судов, распространением просвещения проводимые преобразования создавали базу для изменения экономического и политического уклада общества. Процесс реформации в полной мере затронул и Тамбовскую губернию.

После отмены крепостного права «дворянство лишилось даровой доставки хлеба на крестьянских подводах, что, несомненно, сократило предложение помещичьего хлеба» [21, с. 7]. Это вынуждало местных помещиков лоббировать в правительстве вопрос о строительстве железных дорог в Тамбовской губернии. Во второй половине XIX века территория региона покрывалась линиями железных дорог (не менее 7 линий). Земства приняли активное участие в финансировании их постройки.

Развитие железнодорожной сети создавало условия для более глубокого включения Тамбовщины во всероссийский рынок, в первую очередь это касалось хлебного рынка. В пореформенный период на продовольственный рынок, наряду с помещичьим зерном, все больше стал попадать крестьянский хлеб. Развитию этого процесса способствовала активизация железнодорожных перевозок [21, с. 7].

В 1891 г. на Особом совещании по проблемам развития товарных отраслей сельского хозяйства обсуждался вопрос о роли путей сообщения для организации развития хлебной торговли. На совещании, наряду с записками министра финансов, отзывами биржевых комитетов, сельскохозяйственных обществ, директора Департамента железнодорожных дел Циглера, рассматривались записки от председателя правления Общества Рязано-Уральской железной дороги И. Е. Ададунова под заголовком «К вопросу о хлебных залежах» и председателя правления Общества Юго-Восточных железных дорог В. А. Введенского под названием «Залежи хлебных грузов и провозная способность железных дорог» [16, с. 99]. На основании представленных заявлений после обмена мнениями членами собрания были определены основные причины хлебных залежей на местах. Ими оказались: недостаточное развитие российской железнодорожной инфраструктуры, а также недостаток складских помещений для хранения сельскохозяйственного сырья. Пореформенная модернизация страны дала мощный импульс развития для Тамбовской губернии в целом, в частности, это сказалось на повышении уровня аграрного производства, развитии путей сообщения и других сферах. В ходе реформы в новую систему товарно-производственных отношений включались не только представители местной аграрной элиты, но представители управленческого звена других сфер производства.

Строительство железных дорог, кроме всего прочего, призвано было способствовать решению важной для осуществления аграрной реформы переселенческой проблемы. Переселение крестьян из малоземельных волостей и обществ рассматривалось одним из ключевых мероприятий в предотвращении аграрного кризиса. «По некоторым данным уже в 1890-е гг. выше 40% сельского населения оказалось «лишним» [10, с. 5].

Переселенческое движение в тамбовской деревне начало активно развиваться после отмены крепостного права. Крестьянские реформы, проводившиеся в 60-х гг. XIX в., предельно ограничивали свободные переселения процедурой «перечисления» в другие сельские общества, основанной на жесткой регламентации и полной самостоятельности миграции, что стало причиной всплеска стихийных выселений из ЦЧР [11, с. 39]. Законные миграции на льготных условиях (с небольшим числом участников) производились на основании специальных законоположений о заселении колонизируемых территорий (Дальний Восток, Алтай, Заволжье и др.).

Первым законодательным актом, регламентирующим миграционный процесс, стали «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли» от 10 июля 1881 г. Однако правовая регламентация переселенческого акта не привела к положительным результатам: для чиновников проблема переселения зачастую оборачивалась административными взысканиями, для крестьян - экономическим упадком хозяйств, возвращением из мест поселений. Для правительства стала совершенно очевидной необходимость корректировки соответствующих законов. В связи с этим в 1881 г. было созвано «Совещание сведущих людей по переселенческому вопросу», собравшее на дискуссию ведущих земских деятелей Воронежской, Рязанской, Тамбовской и других центральных губерний. Собравшиеся отметили, что «остановить эти переселения невозможно и поэтому остается только их регулировать», призвали правительство к широкому обсуждению нового закона, что «оградило бы переселенцев от всех невыгодных последствий наугад и способствовало бы общему поднятию земледельческой производительности государства» [11, с. 39].

Новый общий закон от 13 июля 1889 г. и его последующие дополнения, в первую очередь, правила от 15 и 27 апреля 1896 г., заложили юридическую основу широкого заселения территории Сибири. Успех проведения в жизнь нового законодательства во многом предопределили сопутствующие меры сдерживающего и стимулирующего характера [11, с. 40]. Как отмечает А. И. Новиков, «сначала никакого законодательства не было: шли, как придется, по паспортам. С увеличением числа переселенцев увеличивался беспорядок распределения их на местах; начали образовываться скопища нищих на некоторых сборных пунктах, разразились болезни и голод. Тогда, чтобы поправить дело, была выдумана сложная и весьма неудачная процедура выхлопывания разрешений из губернского присутствия» [12, с. 183]. Присутствие должно было выступать «тормозом» нежелательного для благородного сословия процесса оттока излишних рабочих рук из деревни. Однако несмотря на сдерживающие меры, миграционные процессы нарастали. «К 1897 г. из губернии выехало 260 тыс. сельских жителей, почти десятая часть населения Тамбовщины на тот момент» [10, с. 5]. При этом проблема перенаселения сохраняла свою актуальность.

Малоземелье и демографический подъем, охвативший страну в целом, и Тамбовскую губернию, в частности, подталкивал крестьян к переселению. Согласно законодательству, в 1890-х гг. процесс получения права на переселение начинался с выдачи ходоку-переселенцу свидетельств от семьи или нескольких крестьянских дворов. Совершив поездку и выбрав место для переселения, ходок возвращался. Для того чтобы получить право на выезд необходимо было обладать достаточными денежными средствами. «Во избежание явки в Сибирь семей нищих, не имеющих чем обзавестись по приезде, закон требовал, чтобы эта семья выручила от продажи своего имущества не менее 300 рублей» [2, д. 21, л. 1]. Кроме материальных, на пути крестьян, при получении проходных свидетельств и паспортов, стояли несколько административных барьеров: разрешение общины, административные решения земского начальника, губернского присутствия и конечной инстанции - переселенческого управления Министерства внутренних дел.

Несмотря на то, что вопрос переселения крестьян регулировался законодательством, в ряде случаев мнение «на местах» оказывалось решающим. В миграционную политику достаточно активно вмешивалась губернская власть. Окончательный вердикт по переселению в каждом конкретном случае выносился на заседании административного отдела Тамбовского губернского присутствия, в составе губернатора, вице-губернатора, управляющего казенной палатой и других представителей местной управленческой элиты.

В административный отдел Тамбовского губернского присутствия поступала масса прошений от крестьян о переселении их в районы со свободными землями. Все они фиксировались в специальном журнале административного отдела Тамбовского губернского присутствия. В записи от 24 февраля 1897 г. отмечалось, что А. Д. Головнин, непременный член присутствия, доложил о желании крестьянина деревни Александровки Оржевской волости Кирсановского уезда Александра Васильева Ларькина с семьей переселиться в Си-

бирь. К прошению прилагался «приговор» крестьян села Петровское Моршанского округа, позволявший крестьянину переселиться на новое место. Рассмотрев ходатайство, губернское присутствие поставило: «разрешить крестьянам деревни Александровки испрашиваемое им переселение в Томскую губернию» [1, д. 21, л. 1, л. 1-об.].

На том же заседании губернского присутствия было рассмотрено прошение крестьян деревни Ржаксинские выселки Ржаксинской волости Кирсановского уезда Петра Ананьева Попова и Лариона Савельева Попова о переселении их в Амурскую область. Земский начальник 3 участка Кирсановского уезда предоставил документы, которые содержали сведения о «семейном и экономическом положении просителей». Из материалов следовало, что «разрешение на переселение в Амурскую область может получить только проситель Петр Ананьев Попов, как имеющий для переселения достаточно собственных средств, Ларион же Попов переселиться на свой счет не может» [1, д. 21, л. 3, л. 3-об.]. В соответствии с заключением земского начальника губернское присутствие вынесло решение о переселении Петра Ананьевича Попова, а ходатайство Лариона Попова оставило без удовлетворения.

В отношении ходатайства малоземельного крестьянина Михаила Дмитриевича Фролова села Уварово Уваровской Волости Борисоглебского уезда о переселении его в Амурскую область губернское присутствие приняло положительное решение, т.к. проситель имел достаточное количество средств для переезда. При семье, состоявшей из трех человек и располагавшей 2 десятинами 11 саженьями наделной земли, Фролов имел имущества на 413 рублей [1, д. 21, л. 8, л. 8-об.].

В ряде случаев для разрешения вопроса о переселении крестьян на новое место тамбовскому губернатору С. Д. Ржевскому приходилось лично обращаться к своим коллегам. Так, 24 февраля 1897 г. на заседании административного отдела Тамбовского губернского присутствия было рассмотрено дело по ходатайству нескольких крестьян Липецкого уезда деревни Яковлевки о переселении на казенные земли деревни Букаевой Белебеевского уезда Уфимской губернии. Для выяснения возможности переселения на имя местного губернатора был отправлен запрос. В ответном письме 13 января 1897 г. уфимский губернатор сообщил, что «переселение ...прекращено, а поэтому ходатайство крестьян Ворошилина, Никифорова и Наумова о переселении их в означенную губернию удовлетворено быть не может» [1, д. 21, л. 4, л. 4-об.]. На основании данного письма губернским присутствием было постановлено: «Ходатайство отклонить, о чем объявить... через надлежащего земского начальника, а дело считать конченным» [1, д. 21, л. 4-об.].

Тамбовские крестьяне, став за время реформы грамотнее и дальновиднее, «осмеливались» обращаться к руководителям других регионов напрямую, минуя своего губернатора. Так, жители деревни Рахмановские выселки Новогаритовской волости Козловского уезда Сергей Нистратов с прочими обратились к томскому губернатору с просьбой о разъяснении, могут ли они при переселении в Томскую губернию обзавестись хозяйством [1, д. 21, л. 7]. Свой ответ томский губернатор направил тамбовскому губернатору С. Д. Ржевскому 11 июня 1896 г. В нем говорилось, что «по... установленным порядком разрешении на переселение» переселенцам будет отведено по 15 десятин земли на каждую душу мужского пола, также, в случае «действительной нужды» будет оказана помощь [1, д. 21, л. 7].

На заседании земского присутствия было рассмотрено заключение земского начальника 2-го участка Козловского уезда о семейном и экономическом положении крестьян-переселенцев. Выяснилось, что двое просителей отказались переселяться, «остальные семнадцать семей подтверждают свое ходатайство... просители земли не имеют и положение их на Родине крайне тяжелое» [1, д. 21, л. 35]. Земский начальник со своей стороны просил губернское присутствие поддержать ходатайство крестьян. Ходатайство было удовлетворено, дело отправлено на окончательное утверждение в переселенческое управление Министерства внутренних дел.

11 марта 1897 г. на заседании Тамбовского губернского присутствия, наряду с его постоянными членами: губернатором С. Д. Ржевским, управляющим государственным

имуществом С. А. Шпилевым и др. - присутствовал чиновник Министерства внутренних дел по особым поручениям А. А. Чарушин. Его приезд был вызван запросами в адрес Министерства с мест относительно проблем, связанных с переселением крестьян. Он дал ряд разъяснений «для однообразного применения новых правил о порядке выдачи разрешений по переселению крестьян в Сибирь» [1, д. 21, л. 9]. А. А. Чарушин разъяснил представителям местной административной власти ключевые положения циркуляра министра от 20 января 1897 г. за № 1, устанавливающие новый порядок переселения. «При рассылке этого циркуляра господам земским начальникам Тамбовской губернии никаких особых рекомендаций подано не было, так как циркуляр сам по себе составлен настолько подробно, что если бы дополнить его местным руководством, то скорее можно вызвать затруднения при исполнении, нежели облегчить задачу господ земских начальников» [1, д. 21, л. 9]. Представитель Министерства подробно остановился на пункте 9 циркуляра, согласно которого, все ходатайства о переселении должны рассматриваться губернским присутствием вне очереди с обязательным информированием просителей о состоявшихся по ним распоряжениям Тамбовского губернского присутствия.

На заседании выяснилось, что губернское присутствие стремилось сократить количество переселенцев из региона, о чем выносились соответствующие решения. Одно из них было связано с ходатайством тамбовских крестьян о переселении в Сибирь. Земское присутствие предписывало прекратить делопроизводство по затянувшимся делам, проинформировав о том крестьян [1, д. 21, л. 9]. А. А. Чарушин находил такое распоряжение «целесообразным», т.к. пересмотр этих дел мог бы побудить к переселению тех, кто «продолжает вести хозяйство на Родине» [1, д. 21, л. 9-об].

Изменения в законодательстве вызывали у местного начальства некоторые вопросы, в частности: «Имеют ли право земские начальники своею властью разрешать одиночной семье окончательно переселиться? На чей счет должны посылаться телеграммы, и на какие средства заготавливать земским начальникам бланки проездных документов? От кого зависит разрешение переселения в Самарскую губернию?» После продолжительных дискуссий было принято решение о необходимости взаимодействия в переселенческих вопросах представителей местного административного аппарата и переселенческого управления. Вместе с тем ход обсуждений показал, что Тамбовское губернское присутствие склонялось к передаче решающего голоса в вопросе переселения губернатору.

11 июля 1897 г. на очередном заседании Тамбовского губернского присутствия рассматривалось прошение крестьян селений Жуковской волости Спасского уезда выехать в Самарскую губернию. Несмотря на то, что прошение было удовлетворено земским начальником и тамбовским губернским присутствием, переселенческое управление Министерства внутренних дел ходатайство отклонило, обязав местную администрацию собрать полные сведения об экономическом положении каждого крестьянина в отдельности и их сельских обществ в целом. Основанием отказа послужило заявление Министерства об ограничении количества свободных земель в Самарской губернии, в связи с чем «переселения на эти земли могут быть разрешены лишь в случаях особой необходимости и при том только таким семьям, кои... не обладают достаточными средствами для переселения в более отдаленные местности империи» [1, д. 21, л. 19, л. 19-об.].

Решение проблемы аграрного перенесения региона тормозилось административными барьерами. Значит, была возможность решить отчасти проблему переселения интенсификацией аграрного производства. Сложившиеся обстоятельства выдвигали перед местной властью новые требования.

«Капитализация сельского хозяйства требовала серьезного реформирования инфраструктуры села: внедрения современной техники и удобрений, использования урожайных культур и более современных технологий земледелия; изменения самого менталитета земельных собственников – отказа их от ряда «упорных предрассудков» и перехода к рациональному хозяйствованию. На помощь государству в решении этих масштабных задач

пришли общественные структуры – земства и общественные организации...» [18, с. 41], - отмечает А. С. Туманова.

Внедрение прогрессивных технологий в регионе шло слабо. Хозяйства не спешили применять новые приёмы агротехнологии. Органы власти в большинстве случаев оказывали лишь консультативные функции. В пореформенный период мероприятия по совершенствованию природопользования и природоохраны инициировались узким слоем землевладельцев, которые вели собственное хозяйство, располагали для этого достаточными финансовыми и организационно-техническими возможностями.

«Несмотря на заметное постепенное сокращение принадлежавшей им земли (с более чем 782592 дес. по данным конца 1880-х гг. до 370800 дес. к 1917 г. – на 53%), они оставались ведущими производителями сельскохозяйственной продукции на всем протяжении пореформенного периода. Крупнейшие помещики Тамбовской губернии (Долгорукие, Бенкендорф и др.) занимали видное положение в правящей элите, проявляли устойчивый интерес к экономическим новациям» [19, с. 19]. Но таковых были единицы. В целом же высшие и местные элиты оказывали малоощутимое воздействие на практику природопользования.

Несмотря на стремление большинства тамбовских помещиков «затянуть» процесс выкупа крестьянами наделов, в среде местной элиты культивировались взгляды о необходимости углубления аграрных преобразований и повышения эффективности использования сельскохозяйственных угодий. Так, помещик Кирсановского уезда В. М. Петрово-Соловово в докладе Валуевской комиссии 1872-1873 гг. «писал о малых наделах крестьян и высоких выкупных платежах» [20, с. 26].

В Тамбовской губернии в конце XIX века усиливают свою деятельность губернские общества. В уставах тамбовских СХО принадлежность членов к какому-либо сословию или социальной страте не оговаривалась, но на практике, особенно на начальном этапе существования сельскохозяйственных обществ, в их составе были обеспеченные люди (на 90% это были дворяне), имеющие возможность платить членские взносы. Со временем состав обществ стал пополняться выходцами из средних слоев населения, демократизироваться. Сельскохозяйственные общества оказывали заметную помощь в модернизации аграрных хозяйств и помещиков и крестьян (проводили испытания машин, приобретали и внедряли новые сорта и породы).

Самой крупной организацией Тамбовской губернии в области сельского хозяйства являлось Сельскохозяйственное общество, открытое в феврале 1902 г. губернатором С. Д. Ржевским. Инициаторами его создания стали известные земские деятели, помещик В. М. Петрово-Соловово, князь Д. А. Кугушев, С. И. Кондырев, М. П. Колобов, П. П. Сущинский» [18, с. 44]. Отметим, что активно работать Тамбовское сельскохозяйственное общество начало лишь на втором десятилетии своей деятельности.

Одним из ключевых факторов, влиявших на образование сельскохозяйственных обществ в Тамбовской губернии, была политика правительства по упрощению процедуры регистрации организации. «До 1866 года они учреждались императорской властью после соответствующего заключения Комитета министров... Начиная с 1866 г. учреждение уставов обществ сельского хозяйства было всецело отнесено к компетенции Министерства государственных имуществ...» [18, с. 41].

Важное вехой в деятельности тамбовских сельскохозяйственных обществ стало издание в 1898 г. устава СХО, обобщившего и модернизировавшего действующую практику учреждения СХО, упростившую процедуру их открытия. СХО, бравшие за основу положения нормального устава, могли открываться губернаторами без участия Министерства государственных имуществ [14, с. 22]. В дальнейшем решение об открытии общественных организаций принималось в соответствии с «Временными правилами об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. в губернском по делам об обществах присутствии.

В целом же, сельскохозяйственные общества Тамбовской губернии, выполнив свою организационно-хозяйственную функцию, сошли с исторической арены. Однако их дея-

тельность принесла свои конкретные плоды для региона, она высоко оценивалась в отчете за период с октября 1917 по конец 1918 гг. В нем, в частности, отмечалось: «Общественные организации... в тяжелую годину всеобщего развала и зверского дикого стремления к удовлетворению только своих эгоистических целей... стремились стать выше выгоды отдельных личностей и задаться целью внести в общий мрачный хаос разрушения светлую струю общественного творчества...» [4, д. 2, л. 40].

Однако обращения и призывы местных активистов зачастую не находили отклика у представителей административной власти. Новая когорта местных управленцев не хотела, да и не имела возможности оказания должной помощи сельскохозяйственным организациям.

В конце XIX в. обострилось противодействие крестьян Тамбовской губернии взиманию властями недоимок по налогам. По мнению тамбовских историков, «дело было, видимо, не только в обнищании части крестьянского населения, но и в том, что заметные круги, втягивались в рыночную экономику, научившись зарабатывать деньги, не желали с ними расставаться [8, с. 28-29]. В этих условиях от местных властей требовалось не только прежнее умение строго исполнять указания «сверху», добиваясь их исполнения самыми жесткими методами, но и умение проявлять гибкость в разрешении различных вопросов аграрного производства.

Власти недопустимо затягивали решение аграрного вопроса, действовали непоследовательно, а нередко попросту халатно. Характерный конфликт произошел в 1893 г. между крестьянами села Тафино и деревни Красиловка Липецкого уезда Тамбовской губернии. В 1859 г. Липецкий уездный суд отрезал у этих сельских обществ 619 десятин земли в пользу помещиков Головиных. В 1869 г. Тамбовская судебная палата утвердила это решение. Крестьян в известность не поставили, хотя они числились за государством, их интересы должна была защищать палата государственных имуществ.

Во время размежевания 1871 г. сельские общества узнали об отчуждении земли и подали жалобу в губернское правление, которое приняло сторону ответчика. В 1885 г. Сенат подтвердил решение губернского правления, но в 1887 г. по жалобе противной стороны указал, что хоть отчуждение и незаконно, земля должна остаться у фактических владельцев до судебного разбирательства. Крестьянам о втором решении не сообщили, и в 1892 г. они обратились в Сенат с просьбой о новом размежевании. Сенат указал, что вопрос о размежевании должен решаться в судебном порядке. Однако до крестьян заключение Сената также не дошло, в 1893 г. они начали распахать земли, которые считали законно своими. По жалобе помещика Д. Головина на место преступления прибыл губернатор барон В. П. Рокасовский с тремя ротами солдат. 17 крестьян были арестованы, двух зачинщиков высекли розгами, для кормления солдат у сельского старосты конфисковали корову. На прощание губернатор посоветовал сельским обществам «искать своих прав судебным порядком» [13, с. 65-66].

Ситуация в Тамбовской губернии по сравнению с другими регионами страны была относительно стабильной и благополучной. «В 1890 - 1900 гг. здесь произошло 8 крестьянских выступлений: в 1891 г. – 3, в 1890, 92, 93, 94, 97 – по одному. В 1895, 96, 98, 99, 1900 гг. – ни одного. В 1901-1904 гг. зафиксировано 14 крестьянских волнений, соответственно 2,5, 6,1. В 1902 и 1903 гг. имели место поджоги, в остальных случаях – потравы посевов, самовольная запашка земель» [13, с. 66].

В целом же тамбовские крестьяне испытывали недостаток в продуктах питания даже в урожайные годы. Так, земский агроном П. Тихобразов отмечал: «По отзывам корреспондентов нужно признать, что урожай ржи в 1896 г. в общем итоге был недостаточен для довольствия крестьянского населения Тамбовской губернии» [15, с. 15].

Некоторый спад крестьянских волнений в предреволюционный период был обусловлен в первую очередь развитием сельского хозяйства и благоприятными природными условиями, способствующими росту урожайности. На 1 января 1905 г. в хлебных магазинах

имелось 2465918 пудов зерна и 1416611 руб.; в «ссудах, благонадежных к поступлению», 1510498 пудов зерна и 469955 руб. До нормы не хватало (даже при условии полного погашения ссуд) 850569 пудов зерна и 1443363 руб. Кроме того, мало развитое скотоводство, садоводство и огородничество только начинало возрождаться в больших размерах с промышленной целью [13, с. 67].

Важными вопросами для администрации региона оставались вопросы выплаты разного рода податей. Как отмечал А. И. Новиков, в «Записках земского начальника», написанных в 1899 г. при сборе недоимок, применялись чрезвычайные меры вплоть до продажи крестьянского имущества [12, с. 129]. На практике описи составлялись заранее в августе и не проверялись земским начальником, а становой пристав продавал крестьянское имущество, не принимая описи в расчет. В ряде случаев продажу имущества крестьян-должников инициировал крестьянский сход во избежание выплат по круговой поруке. Зная это, крестьяне старались найти деньги для погашения задолженности, пусть и ценой заклада последней полосы земли или продажи лошади. Такой метод как заключение в «холодную» был менее эффективным и применялся в основном старостами и волостными старшинами на предварительном этапе сбора налогов.

Однако при слаженной работе местных властей вопрос с недоимками разрешался краткосрочно. Вот наглядный пример деятельности помещика и земского начальника 9-го участка Козловского уезда А. И. Новикова из источника: «До 1891 года 9 участок имел за собой массу крестьянских недоимок, которые еще более увеличились в 1891 году по случаю неурожая. Но несмотря на это, к 1 декабря 1896 года недоимки по участку все были заплачены, а также был заплачен и оклад текущего года, так что участок остался чист, что всецело нужно отнести к деятельности г. Новикова» [12, с. 30].

Однако подобные действия не всегда были осуществимы в силу тяжелого экономического положения деревни. Тамбовское крестьянство, попав в сети «системной бедности», одновременно испытывая «земельный голод» и давление налогового бремени, становилось агрессивным по отношению к внешнему миру. Наибольшим раздражителем по-прежнему оставалось дворянство с его «оскудевшими» имениями, а также представители местной управленческой элиты с их политическим безразличием и близорукостью.

В пореформенный период крестьянство Тамбовской области столкнулось с аграрным перенаселением. Земли не хватало для нормальной жизнедеятельности крестьянского двора. Это приводило к сильной конфронтации внутри крестьянского мира, и также с другими сословиями. Если крестьянин арендовал землю, причём такой тоже не хватало, то доходы его снижались и доставались собственнику земли. В селах увеличивалось число бедных хозяйств.

Ситуация складывалась отрицательная, переустройство хозяйств и обновление агротехнологий было не возможно. Крестьянские хозяйства все больше приходили в упадок. Государственная власть не предпринимала существенных преобразований. Шло дальнейшее разорение сельских жителей, даже частично страдало и дворянство. При этом усиливалось положение крупных собственников земли и приближенных короной к власти.

Для выхода из кризиса, усугубленного бурным ростом населения, тамбовской деревне требовалась интенсификация аграрного сектора, включающая комплекс мероприятий: освоение усовершенствованных севооборотов, привлечение квалифицированных специалистов, использование новых улучшенных орудий труда и технологий в сфере аграрного производства, привлечение инвестиций. Отдельные мероприятия по рационализации природопользования, проводившиеся в высококультурных частновладельческих хозяйствах региона, демонстрировали лишь посылы к индустриальной модернизации и решающей роли в самом процессе не играли.

Тамбовские управленческие элиты пытались в пореформенное время сохранить свои властные полномочия. Призывы по обновлению положения дел, исходящие из столицы, доходили до местных «начальников», но реализовывались выборочно, с учетом своих интере-

сов. Все больше проявлялась не способность губернской администрации решить проблему отставания развития сельского хозяйства. Модернизация этой сферы решила бы проблему социальной напряженности и смягчила противоречия между сословиями.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 26. Оп. 1. Д. 1987.
2. ГАТО. Ф. 26. Оп. 3. Д. 21.
3. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1566.
4. ГАТО. Ф. Р.-3544. Оп. 1. Д. 2.
5. Двужилова, И. В. (2010). *История Тамбовского края середины XIX - начала XX веков*. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та. 120 с.
6. Двужилова, И. В. (2001). *Итоги деятельности Тамбовского земства в 70-80-е годы XIX века* // Труды ТГТУ: Сб. науч. ст. молодых ученых и студентов. Вып. 7. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та. С. 122-126.
7. Двужилова, И. В. (2003). *Социальный состав Тамбовского земства (1865-1890 гг.)*. Тамбов: Юлис. 140 с.
8. Есиков, С. А., Канищев, В. В. (1995). *Специфика антигосударственного протеста крестьян (Тамбовская губерния, 1861-1921 гг.)* // Крестьяне и власть: Тезисы докладов и сообщений научной конференции 7-8 апреля 1995. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та. С. 25-35.
9. *Земское самоуправление в России, 1864-1918: в 2 кн. Кн. 1: 1864-1904.* / [редкол.: Н. Г. Королева (отв. ред.), А. П. Корелин, Л. Ф. Писарькова]. М.: Наука, 2005. 427 с.
10. *Крестьянское движение в Тамбовской губернии, 1917-1918: доклады и материалы* / составитель В. Данилов и др. М.: РОССПЭН, 2003. 477 с.
11. Курцев, А. Н. (1995). *Миграции крестьян и царская политика в 1861-1916 гг. (по материалам Центрально-Черноземного региона)* // Крестьяне и власть: Тезисы докладов и сообщений научной конференции 7-8 апреля 1995. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та. С. 36-44.
12. Новиков, А. И. (2010). *Записки о земстве и сельской школе*. Тамбов: б/и. 370 с.
13. Помогаев, В. В., Ильин, С. А. (2002). *Российские политические партии и аграрное движение в Тамбовской губернии 1905-1906 гг.* // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX-начало XX вв.): Сборник научных статей. Выпуск 4. Тамбов. С. 64-73.
14. Свиридов, В. В. (2006). *Сельскохозяйственные общества Тамбовской губернии: Вторая половина XIX - начало XX вв.*: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Тамбов.
15. *Сельскохозяйственный сборник Тамбовской губернии* / Под ред. П. П. Тихобразова. Тамбов: Тамбовское губернское земство. 1897. Выпуск I. Урожай 1896 года. 75 с.
16. Симонова, М. С. (1987). *Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции*. М.: Наука. 252 с.
17. *Тамбовская энциклопедия* (2004) / автор-сост. А. М. Абрамов. Тамбов: Юлис. 708 с.
18. Туманова, А. С. (1998). *Сельскохозяйственные общества Тамбовской губернии на рубеже XIX-XX столетий* // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв). Сборник научных статей. Выпуск 2. Тамбов. С. 39-43.
19. Хмель, Е. В. (2004). *Формирование рационального природопользования в хозяйствах крупных землевладельцев Тамбовской губернии в конце XIX - начале XX вв.*: автореферат дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Тамбов.
20. Цинцадзе, Н. М. (2010). *Обсуждение демографических и экологических последствий крестьянской реформы 1861 г. и причин аграрного кризиса в Центрально-*

земледельческих губерниях России на страницах периодических изданий второй половины XIX века // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке. Сборник научных статей. М.-Тамбов: Издательство ТГУ. С. 25-33.

21. Черменский, П. Н. (1928). *От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии: Очерк экономики и культуры пореформенного периода. 1861-1917-й годы*. Тамбов: Пролетарский светоч. 100 с.

22. Чичерин, Б. Н. (2010). *Годы и время*. Тамбов: Издательство ТГУ. 265 с.

23. Энгельгардт, А. Н. (1987). *Из деревни. 12 писем. 1872-1887*. М.: Мысль. 639 с.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti (GATO). [State Archives of the Tambov Region] F.26. Op. 1.D. 1987. (in Russian).

2. GATO. F. 26. Op. 3.D. 21. (in Russian).

3. GATO. F. 4. Op. 1.D. 1566. (in Russian).

4. GATO. F. R.-3544. Op. 1.D. 2. (in Russian).

5. Dvuzhilova, I. V. (2010). *Istoriya Tambovskogo kraja serediny XIX-nachala XX vekov* [History of the Tambov Territory in the middle of the XIX-beginning of the XX centuries]. Tambov, Publ. Tamb. gos. tekhn. un-ta. (in Russian).

6. Dvuzhilova, I.V. (2001). *Itogi deyatel'nosti Tambovskogo zemstva v 70-80-e gody XIX veka* [The results of the activities of the Tambov zemstvo in the 70-80s of the XIX century] in Trudy TGTU: Sb. nauch. st. molodykh uchenykh i studentov, vyp. 7. Tambov, Publ. Tamb. gos. tekhn. un-ta, 122-126. (in Russian).

7. Dvukhzhilova, I. V. (2003). *Sotsial'nyy sostav Tambovskogo zemstva (1865-1890 gg.)* [The social composition of the Tambov zemstvo (1865-1890)]. Tambov, Yulis Publ. (in Russian).

8. Esikov, S. A., Kanishchev, V. V. (1995). *Spetsifika antigosudarstvennogo protesta krest'yan (Tambovskaya guberniya, 1861-1921 gg.)* [The specifics of the anti-state protest of the peasants (Tambov province, 1861-1921)] in Krest'yane i vlast': Tezisy dokladov i soobshcheniy nauchnoy konferentsii 7-8 aprelya 1995. Tambov, Publ. Tamb. gos. tekhn. un-ta. 25-35. (in Russian).

9. *Zemskoe samoupravlenie v Rossii, 1864-1918* (2005). Zemstvo self-government in Russia, 1864-1918: in 2 vols. Book. 1: 1864-1904. / [editorial board: N. G. Koroleva (editor-in-chief), A. P. Korelin, L. F. Pisarkova]. Moscow: Nauka, 427. (in Russian).

10. *Krest'yanskoe dvizhenie v Tambovskoj gubernii, 1917-1918: doklady i materialy* (2003). Peasant movement in the Tambov province, 1917-1918: reports and materials / compiled by V. Danilov et al. M.: ROSSPEN, 477. (in Russian).

11. Kurtsev, A. N. (1995). *Migratsii krest'yan i tsarskaya politika v 1861-1916 gg. (po materialam Tsentral'no-Chernozemnogo regiona)* [Peasant Migration and Tsarist Policy 1861-1916 (based on materials from the Central Black Earth Region)] in Krest'yane i vlast': Tezisy dokladov i soobshcheniy nauchnoy konferentsii 7-8 aprelya 1995. Tambov, Publ. Tamb. gos. tekhn. un-ta. 36-44. (in Russian).

12. Novikov, A. I. (2010). *Zapiski o zemstve i sel'skoy shkole* [Notes on the zemstvo and the rural school]. Tambov, b/i. (in Russian).

13. Pomogaev, V. V., Il'in, S. A. (2002). *Rossiyskie politicheskie partii i agarnoe dvizhenie v Tambovskoy gubernii 1905-1906 gg.* [Russian political parties and the agrarian movement in the Tambov province 1905-1906] in Tambovskoe krest'yanstvo: ot kapitalizma k sotsializmu (vtoraya polovina XIX-nachalo XX vv.): sbornik nauchnykh statey, vyp. 4. Tambov, 64-73. (in Russian).

14. Sviridov, V. V. (2006). *Sel'skokhozyaystvennyye obshchestva Tambovskoy gubernii: Vtoraya polovina XIX - nachalo XX vv.* [Agricultural societies of the Tambov province: the second half of the XIX - early XX centuries]. (PhD dissertation abstract). Tambov. (in Russian).

15. *Sel'skohozyajstvennyj sbornik Tambovskoy gubernii* (1897). Agricultural collection of the Tambov province / Ed. P. P. Tikhobrazova. Tambov: Tambov provincial zemstvo. Issue I. Harvest of 1896. 75. (in Russian).
16. Simonova, M. S. (1987). *Krizis agrarnoy politiki tsarizma nakanune pervoy rossiyskoy revolyutsii* [The crisis of the agrarian policy of tsarism on the eve of the first Russian revolution]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
17. *Tambovskaya enciklopediya* (2004) [Tambov Encyclopedia] / author-comp. A. M. Abramov. Tambov: Yulis. 708. (in Russian).
18. Tumanova, A. S. (1998). *Sel'skokozyaystvennyye obshchestva Tambovskoy gubernii na rubezhe XIX-XX stoletiy* [Agricultural societies of the Tambov province at the turn of the XIX-XX centuries] in *Tambovskoe krest'yanstvo: ot kapitalizma k sotsializmu (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)*. Sbornik nauchnykh statey, vyp. 2. Tambov, 39-43. (in Russian).
19. Khmel', E. V. (2004). *Formirovaniye ratsional'nogo prirodopol'zovaniya v khozyaystvakh krupnykh zemlevladel'tsev Tambovskoy gubernii v kontse XIX - nachale XX vv.* [Formation of rational nature management in the farms of large landowners in the Tambov province in the late 19th - early 20th centuries] (PhD dissertation abstract). Tambov. (in Russian).
20. Tsintsadze, N.M. (2010). *Obsuzhdeniye demograficheskikh i ekologicheskikh posledstviy krest'yanskoy reformy 1861 g. i prichin agrarnogo krizisa v Tsentral'no-zemledel'cheskikh guberniyakh Rossii na stranitsakh periodicheskikh izdaniy vtoroy poloviny XIX veka* [Discussion of the demographic and environmental consequences of the peasant reform of 1861 and the causes of the agrarian crisis in the Central agricultural provinces of Russia on the pages of periodicals of the second half of the 19th century] in *Demograficheskie i ekologicheskie problemy istorii Rossii v 20 veke*. Sbornik nauchnykh statey. M.-Tambov, TGU Publ., 25-33. (in Russian).
21. Chermenskiy, P. N. (1928). *Ot krepostnogo prava k Oktyabryu v Tambovskoy gubernii: Ocherk ekonomiki i kul'tury poreformennogo perioda. 1861-1917-y gody* [From serfdom to October in the Tambov province: An outline of the economy and culture of the post-reform period. 1861-1917 years]. Tambov, Proletarskiy svetoch Publ. (in Russian).
22. Chicherin, B. N. (2010). *Gody i vremya* [Years and time]. Tambov, TGU Publ. (in Russian).
23. Engel'gardt, A. N. (1987). *Iz derevni. 12 pisem. 1872-1887* [From village. 12 letters. 1872-1887]. Moscow, Mysl' Publ. (in Russian).